
Евгений Сологуб

Когда разрушится хижина

Рассказ

Моей жене

1

...Это всегда был маяк. Потухающий свет, выгоревшая фотография, пугающе-мощный всплеск волн, пенящаяся глотка мрака. И всегда — высвеченное раззадоренным сигаретным огоньком усталое лицо зрителя. И пробуждение казалось летящим окурком. Тревожное стремление вниз. Замкнутое существование внутри маяка. Внутри мысли о маяке.

Третью неделю Ева просыпалась от вездесущего моря, что проникало в телесную купель по всем каналам, обжигало солью, пеленало водорослями, она всплывала с самого морского дна, пытаясь удержаться посреди необъяснимо гнетущей пучины, судорожно хватая, точно счастье, точно меч духовный, плечо Марка и, чувствуя наконец плоть спасения, выныривала из океана-сна.

— Марк! Марк! Ма-а-а-а! — вопит она, проглатывая каменную слюну, сухие водоросли, кашляет, плачет. — Я чувство... чувствовала их. Я опять чувствовала его. Мне было страшно и одиноко, от ледящей воды перехватывало дыхание, но где-то внутри... Кит! Подо мной проплывал кит! Снова, в который раз... Подмигивающий пересвет маяка!

Марк всхрапнул и по-детски рыкнул. Он не слышал ее вопля — полнился гулками, скользящими от стены к стене тоннеля стальными шорохами и скрежетами гигантских жуков — навозников и носорогов? — которых он тут же давил с хрустящим треском своей чугунной ногой. Они все равно заполняли тоннель, неслись великанским закручивающимся потоком, нависая глянцевиной черной волной над ним. В отчаянии Марк прикрывал патлатую голову, выдирая из нее хрустящие пряди волос, чувствовал, как насекомые копошатся у него во рту, суетятся в слишком узком тоннеле глотки, и безжалостная боль полосует желудок, кишки, а там — и горечь, и вопль.

Безумными глазами в подсвеченных настольной лампой сумерках комнаты они смотрели друг на друга и не осознавали своего присутствия. Ева дрожала. Сапфировый крестик прилип к ее груди. Лямка ночной сорочки соскользнула с плеча.

— Что? Опять? — сонным, еще безвольным голосом спросил Марк. — Опять захлебывалась?

Евгений Сологуб родился в Петрозаводске, окончил филологический факультет Петрозаводского государственного университета. Живет в Санкт-Петербурге.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2020, № 4.

— Ты же знаешь, я не умею плавать. Конечно я захлебывалась. Так и он во мне захлебывался.

— Пожалуйста, Ив. Не посреди ночи.

Ева выпорхнула из постели и скользнула сквозь мрачный блеск коридора на кухню, где с нарастающей жаждой выпила два бокала воды. Потерянная, она вернулась в комнату. Марк сощурил глаза и зевнул. Ниточка слюны растянулась между двумя рядами его неровных зубов. Ева тряхнула головой и прошла к серой, еще не оклеенной и не окрашенной стене. Там в тихом сумрачном величии висели ее акварельные работы — по большей части зарисовки разных маяков: расплывающихся, полосатых и монотонных, пустых и мерцающих; с рассеянной тучей чаек, похожих на разлетающиеся осенние листья; при свете солнца, при буре; со штампом-смотрителем, с клубами водянистого дыма, что стелился по краям листа, сливался со стеной. Ева качала головой, тормошила стриженные русые волосы. Покачиваясь в дреме, Марк откинулся на спинку кровати, ждал ее возвращения.

— Хочешь съездить к маяку?

— Угу, — Ева не обернулась. — Сил больше нет, как хочется.

— Нам сейчас посреди ночи вскакивать и ехать?

— Время полпятого утра, Марк! В деревнях уже петухи кричат.

— Мы не в деревне, — Марк растекся в постели, отвернулся к стене. — Давай еще немного поспим.

— Поспи.

Марк громко засопел. Еву манила приятная, сытая теплота постели, но существование где-то там, за гранью мира, стального океана, его осенний холод, желание изведать всю водную пучину заполняли голову, засеивая тело семенами мурашек. Снова во рту эти горечь и соль. Она почти ничего не запомнила из уроков веры. И голос, пепельный и строгий, еще слышала — под сопение Марка доносились слова: *Имейте в себе соль и мир имейте между собой.*

Сон переборол Еву: под рассеянные взгляды маяков, от ночного сумрачного перелива нежности к посапывающему, скованному, растянутому во времени Марку она бухнулась на кровать, и, уткнувшись в его чуть влажную, горячую спину, уснула, вбирая соломенный дух тела.

Сквозь мутную толщу, сквозь страх смотрела: одинокий, пошарканный гарпунами кит, он все плыл, прорезая течение, стонал, не давая покоя. Звал и плакал, а Ева молчала в глубине тысяч комнат, под младенческий надрывный плач обретала себя...

2

На этот раз Марк сдержал обещание. Уже на следующие выходные Ева, обдуваемая кондиционером, сидела в машине — в сквозняке из сладко-лимонного аромата освежителя-елочки, запахов бензина и чего-то грибного. Она жевала пастилу и запивала ее царапающей нос газировкой.

Они взяли с собой палатку, запасы съестного, пару-тройку бутылок вина и легкое раздражение Марка. Оно, в свою очередь, притягивало работу — Марк погружался в водоворот телефонных разговоров и сдержанных споров о сроках, выплатах, бесконечных макетах, правках, слоганах.

— Как малые дети. Ничего без меня не могут! — взорвался Марк и, скорее, из красоты жеста, а не из-за необходимости, метнул кулаком в крышу машины.

— Ма-а-алые дети, — отстраненно протянула Ева, рассматривая растопыренные утиной лапой пальцы на руках. Голубой лак потрескался и местами сошел, отчего ногти показались ей засохшим илом, не видевшим прилива уже многие годы.

Они ехали к маяку Стирсудден у поселка Озерки. Будучи недействующим, он оставил в себе, то ли по привычке, то ли в качестве музейного экспоната, зрителя. Ева тут же сложила клишированный образ: с клочковатой лишайной бородой, с

трещинками глаз, затянутыми красной плевой бессонницы, притаившимися в мареве сизого дыма нескончаемой сигареты... Да, еще красная пухлая вязаная шапка, слегка набекрень, обязательно. В ней он всегда стоял у подножия маяка или на берегу, в самой воде, вскормленный непроницаемостью и равнодушием камней, а море трепыхалось, клочкотало, набрасывалось на берег бешеным псом, брызгая ключьями пены. Попробуй, усмири. А когда с неба осыпались иголки дождя, тогда смотритель надевал желтый дождевик из плотной прорезиненной ткани и резиновые сапоги с высоким голенищем. «Нет-нет! Он всегда в этих сапогах. Зачем другие?» — рассеял фантазию Марк и уже громче, совсем рядом, разгоряченным голосом:

— Будем останавливаться?

Ева не услышала, не захотела:

— Подожди-ка, это ведь около него дедушка Ленин останавливался в каком-то мохнатом году, да? — спросила.

— Не лучшая репутация для поселка и маяка, — буркнул Марк.

— Зануда. Тебя никто не заставлял. Не хочешь. Разворачивай машину и — обратно.

— Ева, успокойся.

— Нет! — вспыхнула, поперхнулась, откашлялась, засмеялась. — Лучше отвези меня в деревню. Оставь у какой-нибудь бабки-знахарки, а сам поезжай. Я погуляю-поброжу-поплачу и вернусь к тебе под крылышко.

— Хватит.

Он искоса посмотрел на нее, резко выкинул руку к дверце бардачка, достал из него купленный незадолго до отъезда компакт-диск. Марк сразу прибавил громкости. Из колонок вырвался гипнотизирующий поток фортепьянной музыки. За автомобилем по лесным тропкам и кронам деревьев прохаживался август с его прохладным, но еще согревающим солнцем, птицы бесчисленным эскортом сопровождали машину, летали наперегонки, возникали у самого лобового стекла, разрастающимся мутным пятном пролетали мимо. Ева вбирала фортепьянную поступь и еле слышно перекидывала на языке финские и шведские названия.

— Сейвя... стё... Сейвастё. Стир-суд-ден.

— Как же хорошо. Не передать. Стирает весь налет. Чувствую, как начинаю блестеть, да? Ив?

Марк кинул на отполированную торпеду коробку от компакт-диска. Из собственных мыслей Ева взглянула на обложку (*Wall-message. Vladimir Martynov*) и молча кивнула, продолжая нашептывать магические заклинания финско-шведских слов. Незнакомые иностранные сочетания букв заставляли угадывать за оградой звуков неведомого зверя-смысл. Ей виделась сова, ухающая в блаженстве снежного сна: сидя на черной ветке, мягкая и бархатная, она проворачивала голову вокруг шеи и утыкалась всполохами огненных глаз в самую душу. Марку нестерпимо хотелось погрузиться в музыкальный транс. Вслед за звучащими нотами его пальцы танцевали на руле. Изредка в экзальтированном забытии он откидывал голову на подголовник, вжимался в кресло, чтобы унять растиражированную музыкой дрожь. Его ладонь нашла голое колено. Ева вздрогнула. *Вся в мурашках. И ей нравится. Хорошо. И ей. Справимся. Позабылось. Мне легче. Я знаю, знаю. Во мне не было.* Патлатая каштановая голова и щетина, небрежно охватывающая лицо мелкими островками, грубые мутно-коричневые глаза переполнялись нежным блеском. Он смотрел на нее, застывшую в кресле: плененное веснушками лицо, строгий вид блекло-зеленых глаз и бывшие когда-то густыми волосы, остриженные месяц назад, отчего с широко распахнутыми глазами она походила на мальчика-сову. Марка это заводило. Не желание мальчика, конечно. Желание своей Евы. *И джинсовые шорты-комбинезон, эти смуглые пальчики, крестик на груди.* Он говорил: *моя!* все еще повторял: *моя!* удаляясь, теряя ее из вида; даже в машине, совсем рядом, она ускользала, растворялась, обращалась в акварель, висящую на стене в чужом пыльном доме, а он все повторял и повторял: *моя, моя, моя.*

Ева мельком глянула на него, прижалась лбом к стеклу — оно покрылось матовым пологом, — рассеялась словами:

— Когда мы уже приедем?

— Скоро должны...

...Отвернется и молчит. Ни слова не говорит. Поди узнай, что думает и не подготовила ли план-перехват, а может, вообще продумывает пути отступления. Все равно моя, никакая потеря не заберет.

— Твою ж мать!

Марк вдолбил педаль тормоза в пол. Ева с глухим стуком уткнулась в торпеду и громко закричала.

— Мааарк! Ка-а-зёл! Ты чё?!

— Нет, ты видела?!

Марк увел «Гольф» на обочину и выскочил из машины. Обежав ее, остановился у оврага, заросшего ивняком, подбоченясь, раскачивался, словно загипнотизированный лесной чащей. От трассы, через овраг, в лес уходила тропинка. Ева шипела, терла покрасневший ушибленный лоб. Она убавила громкость и тоже вышла из машины.

— Марк, ты больной!?

— Она бы нам сейчас весь бампер снесла! На такой-то скорости!

— Да кто?!

— Лиса выскочила прямо на дорогу. На трассу выбежала и идет себе. Важная такая.

— Это их лес. Почему бы им важными не походить? Поехали уже!

Ева вернулась в машину. Марк еще прохаживался вокруг, приходил в чувство.

...Лисы испугался. Путь она ему преградила. А может, и правда преградила? Повернуть, да и черт с ним, с этим маяком. Не драматизируй. Опрокинься назад. Вот так. Закрой глаза и послушай. Тишина. А когда ты слышала тишину? О тишине только мечтать. Плач один и моря хохот. Только легкие фортепьянные покачивания. Как на волнах. И берег. Скоро будем на берегу мыса. Сей-вяс-тё. Нужно было финский учить. Тогда казался растянутой соплей. Сейчас — тайной. Сейчас многое кажется тайной. Не разобрать. Не увидеть. Смотреть мешают. Не плачь, хороший мой, не плачь, мама с тобой, может, тебе больше нашего повезло, подумать, да, повезло, жизнь проживем, а не поймем, что мертвые, а ты — сразу, из купели в купель. Раньше надо было. Уже поздно. Явно. Одни маяки. Почему маяки? Как найти дорогу? Ха! Лисы он испугался. Переживает, бедняжка. За жизнь свою и мою — думает, не справлюсь. За свою, конечно, больше. Приедет, будет караулить, ходить, как бы я с морем не полезла обниматься. За какую больше, интересно? Лиса. Лиса. Слышит голоса. Плач один и моря хохот. Хорошо... Да что тебе еще? Что нужно?

— Ив, Ив! Выходи! Посмотри!

Ева открыла глаза. Подняла спинку кресла и, приставив ладонь козырьком к бровям, посмотрела на Марка. *А бордовый ему к лицу, вельвет хорошо сидит, и хлопок на штанах мягкий, не зря кроссовки носит, не снимая, поистерлись все.* Тот был уже не один. Он сидел на корточках и гладил грязно-рыжий меховой комок. Рядом стоял лысый мужчина в очках и выцветшей салатовой кепке, в камуфляжном комбинезоне, с пустой плетеной корзинкой в белесо-мраморной, даже фарфоровой, руке. Мужчина сладко улыбался, не показывая зубов, образуя из лица сеть морщин, и походил то ли на финна, то ли на эстонца.

— Маркуша, ты чего так кричишь? — натянута улыбаясь и сдерживая злость, Ева вышла из машины. — И хватит этих англицизмов. Зови меня «Ева».

— Стравствуйте, Ева, — почти без акцента проговорил мужчина и снова беззубо улыбнулся. — Мэня зофут Эмиль. Эмиль Виркки.

Марк все так же теребил грязный комок. Лиса спокойно сидела у него на руках, игриво покусывая его пальцы.

— Смотри, какая здоровская!

Марк сиял увидевшим море ребенком. Ева присела рядом с ним и прикоснулась к жесткому лисьему меху. На чалой морде зверя белесой линией виднелся шрам в три сантиметра. Эмиль стоял и не убирал слащавой улыбки. В нем было что-то от ваты и умалишенного, не хватало телогрейки или больничного халата.

— Ма-а-рк. У тебя очень красивая жена. Я смущаюсь, когда вижу такую дефушку.

— Спасибо, Эмиль, но мы не женаты.

— Да. Мы не женаты, Эмиль, — с вызовом повторила Ева. — Вы эстонец?

— Да. Не сложно догадаться, — снова улыбка. — Мы с Фрэдди ходили за грибами. А вообще, я приставлен к Стирсудден. Здесь недалеко. В километрах десяти.

— Получается, мы уже приехали, Ив. Разве не здорово? А то ничего и не понятно, куда, как.

— Так это лис! — взвизнула Ева.

Марк опустил зверя на землю. Лис заходил под ногами, собирая запахи, подбежал к Еве, дрожа пыльным муравчатým хвостом, он опустился на красные сандалии, моментально согревая стопы девушки. Поднял черно-бурую ушастую голову, зевнул, смыкая глаза в черные пунктиры, и тут же фыркнул, чихнул. Ева сжалась, ссутулилась, умиленно склонила голову к плечу и протянула:

— Какой теплый! Жарко ему, — она присела на корточки и провела ладонью по лоснящейся лисьей спине, между делом добавила: — Значит, мы к вам. Мы же тоже к маяку. У нас путешествие...

Эмиль ласково глядел на молодых людей. Кто-то буркнул, крякнул в лесу. Фрэдди вскочил и бросился в чашу. Ева вскрикнула: «Куда!? Он же...»

— Знаете что, — перебил ее Марк. — Запрыгивайте с Фрэдди в машину и поехали с нами. Мы вас подбросим, а вы нам дорогу покажете.

— С удовольствием, — согласился Эмиль и, свистнув Фрэдди, пошел прямо к машине.

Ева осталась без внимания. Она злобно посмотрела на Марка, прищурился глаза.

— Смотри-ка, даже уговаривать не пришлось. Вы, мужчины, все сговорчивы до ужаса. Только не с теми, с кем надо.

— Послушай, Ив, — Марк остановил ее за локоть. — Да, да, Эмиль, все правильно! Садитесь назад! Послушай, я вообще тебя не понимаю...

— Не мудрено.

— Ты хотела на маяк, мы почти у него, ты хотела зрителя — вот, пожалуйста, — Марк указал на машину. — Уже сидит, дожидается, когда ты улыбнешься и перестанешь капризничать. Что тебе нужно?

— Я просто хочу приехать. Вина хочу. Ясно?

Ева вырвалась из твердого клеща и побежала к машине.

— Ясно.

Марк с минуту постоял, всматриваясь в чашу, в пюсово-желто-зелено-пшеничную зыбь, обласканную солнцем, как в морскую гладь. Лес заливал часть дороги тенью. Щебетали, гаркали птицы. Фрэдди выскочил из кустов, пронесся мимо и запрыгнул к Эмилю. Зритель ухабисто захохотал. Марк посмотрел себе под ноги: около бурых затертых кроссовок лежала трухлявая коряга. Он поднял ее, что есть мочи, со всем накопившимся остервенением, бросил в лес, усмехнулся и вернулся за руль.

3

Когда они въезжали в опустевший поселок, под строгим наблюдением разноцветных домиков-карликов рыжее солнце спускалось на покой, насаживалось на колья елей вдалеке. В воздухе уже слышались комариные монотонные писклявозудящие гимны. Запахи псины и пота перебивали сладкий аромат автомобильной елочки. Эмиль ошибся, сказав, что до маяка километров десять. Все тридцать, если не больше. *Странное дело*, подумала тогда Ева, *человек прошел такое расстояние и даже не заметил, неужто боль в ногах ему об этом не напомнила?*

— А мы с Фрэдди на автобус сели. Я и не думал, что мы так далеко уедем, — протянул Эмиль.

— Вы, Эмиль, — обманщик, — с деланной серьезностью бросила Ева. — Людей первый раз видите, а уже обманываете. Ай-яй-яй.

— Исправлюсь, обязательно исправлюсь.

— Будьте так любезны.

Марк сосредоточенно следил за дорогой, на одном из домов выхватил взглядом прожавевшую адресную доску — бурую с черными буквами — «улица Млечная».

— Сейчас на перекрестке направо, Марк, — Эмиль уже был между двух кресел. — Ага, хорошо. Прямо. Прямо. Курс — на маяк.

— А скажите, Эмиль, мы там сможем где-нибудь растянуть палатку? Не помешаем вам?

— Боюсь, не получится.

— Почему? — Ева обернулась, надула губы.

— Там всюду камни, а до ближайшей полянки по берегу час ходьбы. Или вы хотите в дебрях лесных спрятаться?

— Жа-а-ль. Что же нам делать, Марк, любименький?

Ева легонько прикоснулась к Марку. Тот посмотрел в зеркало заднего вида, встретился взглядом с Эмилем, с его глубокой ледяной синевой глаз, настороженно посмотрел на Еву — она уже отвернулась к окну, знаком вопроса оставив руку на его плече.

Девушка старалась заглянуть в каждое мутно-серое окно. Домики, по большей части брусчатые и деревянные, слегка приклоненные к земле, покосившиеся, казалось, пританцовывали, но жизни в тех, что ближе к маяку — затертых, промасленных, стонущих серыми пыльными стеклами — не ощущалось.

— По-моему, все просто! Случайная встреча в неслучайном месте. Будете моими гостями. Приглашаю в свою скромную хижину.

— Правда? — Ева подпрыгнула и захлопала в ладоши. — Ночь внутри маяка! Крутя-а-к!

— Эмиль, мы вам, правда, не помешаем? — забеспокоился Марк.

— Я сказал один раз. И достаточно.

— Правда, Марк! Эмиль уже сказал. А вот и маяк!

Они подъехали к подножию маяка. Ева выскочила из машины и, запрокинув голову, всеми мыслями и всей внутренней энергией устремилась к самой его черной макушке, висящей угольным зрачком под небом. Сбоку была пристроена сизая деревянная хижина, и окна ее, обрамленные голубоватой рамой, в немом крике чернели внутри аметистовых сумерек. В метрах десяти шелестело море, глянцевиито дрожало, пенилось у берега; хмурым частоколом с востока сторожил каменистую пустынь лес.

Камни, камни, камни. На сорок дней здесь остаться, вымолиться, очиститься. Маяк-то больше на спичку похож. Серый от вечера, с черной обугленной головкой, перегорел, сгорел, как и мы. Прохладно.

— Он точно не работает?! — взбудоражила Ева тишину и снова, — Маркуша, достань, пожалуйста, мне свитер, замерзла!..

— Скорее, нет, чем да! — крикнул Эмиль, и голос его размножился, удлинился, слился с прибрежным шелестом.

— Как это? — Ева была уже рядом.

— Не знаю. Вот так.

— Пойдемте же скорее внутрь, — Ева заторопилась. — Хотя нет! Вы, мальчики, доставайте еду и вино, проходите в дом, а я еще похожу, помолчу вокруг этого красавца. Нашел свитер, Марк?

Ева утеплиться, обняла Марка, улыбнулась Эмилю и убежала за маяк.

— Резвая она у тебя, — заметил Эмиль и подмигнул Марку.

- Ее не поймешь. Она там не свалится никуда?
- Не свалится...
- Каждый раз новый выпад. Боюсь я...
- Жизнь с женщиной — это прыжки в бездну, которая всегда не там.
- Пожалуй, что так.
- Точно так, — Эмиль крякнул и панибратски похлопал Марка по спине.

Приятельский хлопок на секунду впрыснул в его душу необъяснимой ярости, которую он тут же подавил. Просто не любил необоснованные жесты. Они с Эмилем достали из багажника три набитых пакета и прошли к флигелю маяка. Марка тешила мысль, что между ним и Евой встал еще один человек, который не позволит им остаться наедине, когда не избежать яда памяти.

Мужчины вошли внутрь, в сумрачную переднюю, в которой Марк сразу вдохнул приятно будоражащие густые ароматы копченой рыбы, березовых веников, керосина. Под ногами в кучу были свалены несколько пар резиновых сапог, кроссовки, тяжелые походные ботинки. Эмиль зажег свет, и Марк увидел повешенные на стене сети, сачки и удочки-самоделки, спиннинги. Скинув обувь, прошли дальше: в гостиной с разбредшимися, как пасущиеся овцы, обогревателями у мутного неживого окна стоял стол. На столе — керосиновая лампа, обтёрханные блокноты и книги, выложенные двумя маленькими стопками. Потертые корешки и потрепанные обложки сливались с внутренностями комнаты. По сравнению с передней она казалась пустой. Эмиль прошел чуть дальше, пропал за кисеей, складывающейся в невнятный японский рисунок. Марк проследовал за ним. Там была кухня, в которой стояли пузатый гостиничный холодильник, кухонный облупленный шкаф-стенка с деревянными дверцами, электрическая плита на две конфорки, а по центру — сколоченный из подручных материалов журнальный столик с резной доской для игры в нарды. Эмиль перехватил удивленный взгляд Марка и бросил: «Иногда Фрэдди поможет, а так — сам с собой играю». Марк кивнул. Эмиль сложил пакеты под стол. Открыл холодильник. Из морозильной камеры достал покрывшуюся инеем дымящуюся бутылку ликера Jagermeister.

- Давай по глотку.
 - Для эстонца ты слишком открыт.
 - А для русского ты слишком зажат, — губы Эмиля растеклись в мутной улыбке, показался ряд серо-желтых зубов.
 - Тогда давай.
- Эмиль выудил две граненые рюмки на ножке и наполнил их густой, тягучей нефтяной жидкостью. Выпили.
- Вкусно.
 - Не то слово.
 - А где Фрэдди?
 - Где-то гуляет. Он дома не часто сидит. Может, с твоей резвой женщиной. Давно вы с ней?
 - Года четыре, наверное.
 - Наверное?
 - Сейчас время остановилось, оцепенело.
 - Вот как? Почему?
 - Я еще не выпил столько, чтобы откровенничать. Хочешь определенности, спроси у Евы, — Марк поморщился, опустил глаза в пол. — А у тебя? Есть кто-нибудь?
 - Есть. Она в Таллине. Мы вместе не живем. Она здесь не может.
 - В хижине у моря?
 - Здесь другое.
 - Что же?
 - И я не столько выпил, чтобы откровенничать.
- Марк улыбнулся. Протянул рюмку. Снова выпили.

— Значит, вы расстались?

— Скорее, перестали быть друг другу обещанием.

Эмиль отвечал сухо, но строгости в голосе не было — лишь отрешенная многозначительность.

— Ну что? — холод ликера разжег костер в желудке, и теплая кровь побежала по венам отчаянно быстро. Марк хлопнул в ладоши, и ему показалось, что от рук поднялся клуб пыли. — Надо бы сварганить что-нибудь!

— Хорошая идея.

4

Маяк Стирсудден по приказу адмирала великого князя Константина Николаевича построили в 1872 году на Сейвястовском мысу. Мелей у берега было предостаточно, и до появления маяка здесь тонуло бесконечное множество судов. Одни только русские потеряли десятки за каких-то два месяца. Поэтому великий князь взял все в свои руки и заявил, что маяку надобно быть. Из Ревеля вызвали специальную бригаду эстляндских рабочих, они-то и занимались постройкой. Бригада трудилась целый год. Тщательно выстраивали фундамент и аккуратно-осторожно поднимались ближе к небу. Первым зрителем был Отто Вильгельм фон Люде. У Эмиля оказалась даже его фотография. Хмурый мужчина с кустистыми бровями, без усов, с бородой-ширмой от самых висков, он походил на президента Линкольна. (Сходство было колоссальным, поэтому, когда Эмиль подвел молодых людей к фотопортрету, Ева, раскрасневшаяся и еще больше раззадорившаяся от вина и еды, визгливо крикнула: «Это же Линкольн!» — и взахлеб рассмеялась.) Он управлял маяком до начала двадцатого века, последовали и другие: зятья, дяди, в общем, родственнички. Последним, до второй Мировой войны, зрителем стал дед Эмиля, в честь которого его и назвали — Эмиль Виркки. Он был вылитой копией нынешнего зрителя (его фотография висела рядом с Отто Вильгельмом) — только несколько одутловатей, и под носом застыла жирная гусеница рыжеватых усов. Во время войны бомбы порядочно искусали маяк.

Они освободили стол от книг. Ужинали в гостиной под историю зрителя. Эмиль рассказывал сдержанно, уставившись в бокал и раскатывая по его стенкам бордово-бархатное вино. Он иногда замолкал, точно что-то вспоминая, потом спохватывался, подливал и продолжал. Истории было мало. Он сам ее плохо помнил. Поэтому клочками выложил информацию и с лукавым огоньком на дне глаз обратился к Еве:

— А ты, значит, Ева, — художник.

— Так и есть, — Ева ответила с набитым ртом, от чего кусочки рагу полетели прямо на стол. — Ой, извините.

Марк поморщился и отвернулся от нее.

— А мой портрет сможете написать?

— Хотите себя здесь оставить? Нарисованным будете наблюдать?

— Да, хочу.

Эмиль ковырял вилкой зеленые оливки.

— Боюсь, что у меня не получится.

— Мало практики?

— Маловато, — серьезно ответила Ева и посмотрела на Эмиля. Он поднял глаза от тарелки. — И дело не только в практике.

— Хотя бы эскиз, шарж, набросок. Не знаю уж, как это у вас называется.

— Это уже будет несерьезно. Рядом с такими атмосферными фотопортретами — лишь набросок?

— Ой, бросьте вы! Вся наша жизнь, и та — набросок. Ничего страшного не будет.

Марк повернул голову и, удивленный, обратился в слух. Эмиль встал из-за стола и вышел из кухни. По ногам прошелся легкий ночной холодок. В кухню вбежал

Фрэнди, потоптался под столом, получил копченую куриную голень, в один присест проглотил мясо и улегся в комнате у камина. Смотритель вернулся. Задымил сигаретой.

— Ой, а можно мне тоже? — начала выпрашивать Ева. Марк строго посмотрел на нее. — Одну сигаретку, ну...

— Курите, пожалуйста.

Ева закурила, держа сигарету между средним и безымянным пальцами.

— Интересно вы сигарету держите. Сразу Фрейндлих напомнили. Помните, у Тарковского в «Сталкере»?

— Помним, — тихо сказал Марк.

— Ну что? Накидаешь набросок, свободная художница?

— А камин разожжешь, тогда и набросок будет.

— Его последний раз жена разжигала, лет пять назад, — отнекивался Эмиль.

— Как же вы греетесь? От плиты? — Ева склонила голову на бок, выуживая правду. — Больно тепло у вас.

— А обогреватели для чего? — Эмиль улыбнулся.

— Вот я ворона, — Ева смахнула крошки, вино капнуло на джинсы, застонала. — Ну вот, и здесь.

— Возьми, — Марк протянул девушке салфетку.

— А если и не разжигали, то настало наше время в любом случае. Пусть потрещит, постреляет дерево, и тени походят, — не отставала Ева.

— Пожалуйста.

Эмиль пригласительным жестом указал в сторону камина. Ева наступила под столом на голые, сведенные вместе стопы Марка. Он молча встал и прошел к камину.

— Керосин — сбоку, а дрова — внутри, — подсказал Эмиль.

— Вот странные вы люди — смотрители. Камин не разжигают, а дрова зачем-то лежат.

— Ждал вашего приезда, может быть.

— Или приезда жены? — кольнула Ева.

— А вы смелая девушка, — Эмиль пробежался глазами по ее волосам, лицу: глазам, губам, теряющемуся подбородку.

— Почему вы расстались с женой?

— Она не может здесь находиться.

— Она еще жива?

— Почти.

— Что значит почти?

— А что значат все эти вопросы?

— А то и значат, что мы с Марком тоже едва живы! Хочу разобраться, что приводит к пропасти?

— Ив! — Марк вскочил и ринулся к захмелевшей девушке. — Поставь бокал! Хватит пить!

— Нет, не хватит! Я ведь просила не пихать в меня свое «Ив»! — Ева сверкнула зеленью глаз. — Любимый, тебя ведь просто попросили развести огонь. Создай нам уют. Поэзию. Не все же циферки, макеты, слоганы. Я поговорить хочу.

— Ты сейчас наговоришь.

Снова вспышка, молниеносный укор.

— Делай, что хочешь, — отмахнулся Марк.

Он взял свой бокал и ушел к камину. Через минуту огонь трещал и кряхтел, озаряя оранжевым блеском потерянное лицо Марка.

Ева вдавила окурок в консервную банку и хитро поглядела на смотрителя.

— Вы не ответили на вопрос, Эмиль. Что случилось с вашей женой?

— Она не переносит одинокой и голой местности. Не может жить со мной. Поэтому мы решили, что так будет лучше.

— И даже такой прекрасный маяк не переносит? И моря вокруг?

— Ева, что вы хотите от меня?

— Хочу разобраться, я же сказала.

— С собой?

— Почему же с собой?

— А почему бы и нет? Мне Марк так и не ответил, сколько вы уже вместе? — Эмиль наклонился ближе к девушке.

— Вечность. Беспроглядную, плюшевую вечность, — отмахнулась Ева.

— А дети?

Марк обернулся в ожидании ответа — глаза покраснели, заслезились от дыма.

— Нет, нет, дорогой смотритель, — Ева расплзлась по стулу, вытянула смуглые ноги перед собой, потянулась. — Наш ребеночек в пропасти и бултыхается — забытый. Марк его там оставил, а мне вместо ребеночка, пожалуйста, краски.

Ева сложила ладони рупором, притворяясь эхом, гулко протянула:

— Иногда и я с ним в пропасти. Зову-у-у, кричу-у-у, плачу-у-у! — тут же резко выпрямилась, пожала плечами, горьким голосом добавила: — Нет ответа. Совсем. Что он может сказать, да? Выброшенное не воротись. Пропать.

— Ева! — тихо позвал Марк, как будто сквозь мешковину тумана, и еще раз, чуть слышно: — Ева, прекрати, Бога ради!

— Не-а, не прекращу, не прекращу.

— Эмиль, давайте спать, — умолял Марк, но и здесь наткнулся на стену — Эмиль молчал.

— Ева, пропасть — выдумки. Выдумки людей, которые возомнили, что могут быть счастливы друг с другом, а после — когда разочаровываются, — прикрывают свою наготу и страх байками о пропасти и промахе, — Эмиль поднялся из-за стола, присел на подоконник, закурил, высвечивая огоньком свое усталое лицо. — Вы, наверное, видели... Там на берегу, с северной стороны маяка, есть девять могил. Кресты окосели, пообломались. Странно, что маяк почти с землей сравняли, а могилы остались нетронутыми. Не суть! Это могилы девяти шведских моряков, Ева. В девятнадцатом году. Двадцатого века. На mine, недалеко от берега, подорвался шведский военный корабль. Команду удалось спасти. Правда, не всю. Последние девять матросов, которых дед с другими моряками выловил, были мертвы. Их-то со всеми почестями и похоронили. А бабушка, ее звали Лидия, ухаживала за могилами до самой Зимней войны. Она бережно укладывала цветы, подметала и выравнивала кресты. Уж не знаю, во имя чего. Когда мне отец рассказывал об этом, я не понимал. Почему? Почему она не оставляла могилы в покое? Почему видела в этом свой долг? Я и сейчас до конца не понимаю. До сих пор! Верите, нет? Мне уже сорок, а я не могу понять, казалось бы, вполне объяснимое поведение долга. Говорят, самоотречение — лучшая возможность. Когда лишают такой возможности, тогда, знаешь...

— А вы знаете, что я ваш маяк во сне вижу уже почти месяц? Теперь я четко понимаю. Вы даже точно так же курите, высвечивая лицо в темноте. Только у вас в моем сне почему-то усы. Как у деда...

Ева осеклась.

— Моей жене дед тоже снился, когда она оставалась. Когда она еще оставалась.

— А я и есть ваша жена.

— Вряд ли.

— Почему?

— Слишком молоды.

— Бросьте! Вам что, жалко? Мои сны меня привели к вам обратно.

— Если вам так хочется, пожалуйста.

— Спасибо, — Ева вскочила и выразила благодарность в показательном па. — Давайте выпьем еще вина. Вы знаете, вы стояли весь несчастный у такого затянутого

временем окна, и мне захотелось самой вас написать. Только именно в таком положении вполоборота, с оранжевым огоньком сигареты.

— Значит, напишете?

— Напишу. Только в следующий раз.

— Нет. Сейчас.

— Да куда торопиться? Или вы завтра прогоните нас?

— Завтра все будет по-другому.

Эмиль прошел в угол кухни и поднял потертый гляцевитый рычаг.

— Что вы сделали?

— Включил маяк.

— Вы же сказали, он не работает.

— Вы сами подумайте, как же без маяка?

Ева выбежала в переднюю, опустила ноги в сандалии и толкнула мягкую, обитую ватой дверь. Ослабевший день загрызла ночь. Ева пропрыгала по насыпной дорожке к машине и достала из багажника свои инструменты: мольберт, краски, кисти. Она почувствовала в себе внезапно возникшее родство с Эмилем, легкость бессознательной исповеди, песню отпущения: из отчаяния, греха, рассыпанного дробью, что сковало тело, распускались пионы. Так она видела, об этом и ребенок плакал. В предстоящей работе она ощутила проблеск некоего искупления, которое ей посылают. Она подняла голову, изумленная силой света, исходящего от маяка. Мощные белоснежные копыта лучей пронзали мрак, разрывали и потрошили всю нависшую над морем суматошную тьму, обнажая простую и легкую прелесть морской воды, ее серебристые блики — тысячи мелких рыбешек на растянутом черно-металлическом полотне. Ощущение возбуждающего вдохновенного потока поднимало ее над землей, она смотрела в пучину моря и вспоминала дитя, свои сны, вспоминала вечно одинокого кита, из чрева моря взывающего.

Тяжело дыша, спотыкаясь, она ринулась в дом. Чтобы кистью высвободить Эмиля из заточения его внутреннего маяка, исповедаться красками, цветом, солью.

...Ни я, ни Марк. Никто не виноват, что мы так далеки. Мы должны пожалеть друг друга и утиться собственным одиночеством. Мы поставили себя в рамки, и, точно на памятных фотографиях, сделали подпись, обрекая себя на вечное одиночество этим «вместе». Дитя мое, дитя, прости.

Ева вбежала в переднюю, сбросила сандалии и уже прошла в комнату, но вернулась. Около двери, рядом с удочками лежал желтый прямоугольный конверт. Она подошла ближе, вперила глазами в напечатанные буквы. *Что-то на эстонском.* Письмо месячной давности. Она взяла его, осмотрела. Ни следа вскрытия.

— Эмиль, Эмиль! — Ева ворвалась в гостиную. Она стремительно прошла мимо сопящего Марка. Рядом, положив морду на его истлевшие, оборванные голени, лежал Фрэдди. Угли пульсировали рыжим жаром, переливались, точно десятки лисих глаз. Своих шагов она не слышала, стараясь проглотить ком в горле, вопила: — Эмиль! У вас там письмо! Письмо! Эмиль! — и голос пропал.

Она сбросила кисти на стул и подошла к Эмилю. Он все также устало смотрел в тусклое окно. Ева трясла конвертом у его лица и срывающимся голосом, сама не понимая, отчего она так нервничает, в полутрансе пыталась достучаться до зрителя. *Письмо! Письмо!*

— Я знаю, Ева. Я видел.

— Вы его даже не читали.

— В этом нет необходимости. Я узнал все гораздо раньше чертова письма. Понимаешь, Ева, — зритель дотронулся до ее подбородка и заглянул в глаза. — Она ведь никогда не любила Фрэдди. Всегда говорила, совсем ополоумел, совсем ополоумел... Не хотим мы жертвовать. Сопроотивляемся. Жадничаем собой.

— Эмиль, у вас совсем нет акцента, я только сейчас поняла...

— Подожди, подожди, — он не отпускал ее подбородка. — Фрэдди не любила и

маяк не любила. Ей всюду здесь призраки мерещились. Но ведь то ее страхи, я не мог ничего с этим поделать.

— Откуда письмо?!

— Из лечебницы.

— Почему не прочтете?

— Моя жена умерла. Я знаю. И ты это знаешь. Мне незачем читать. Незачем о смерти писать. Посмотри в окно. Видишь, с ней вместе еще девять моряков, так храбро принявших смерть из-за нелепой случайной мины. Может, и дитя твоё там...

— Я не понимаю, — Ева чувствовала, как немеет все тело и в горле встает крик — огромным костяным кулаком разрывает глотку.

— Тише, тише.

Кухня поплыла, и сквозь тусклое стекло Ева пожирала глазами скачущий свет маяка.

— Помнишь, ты спросила меня, вот тут, больше месяца назад, откуда рождается пропасть?

— Сегодня, сегодня! Не больше часа назад!

Эмиль обнял ее.

— Тише, девочка, тише. Теперь я тебе отвечу. Пропасть рождает несогласованная с земной любовью необходимость. Нельзя раскидываться необходимостью. Нельзя без жертвы.

— Я знаю, знаю! Я же и Марку говорила, а он...

— ...Но и это демагогия. Тебе нужно одно, а им другое. С этим ничего не поделать. Ты не можешь без света, а они могут. Ты сама пришла ко мне. Знала, куда идешь.

— Не понимаю...

— Теперь твоё время, Ева. Необходимость маяка. Соль. Свет во тьме. Твоя единственная необходимость.

Ева обернулась. Глянула поверх плеча смотрителя на свернувшегося младенцем, точно усохшего, Марка — оборванная вельветовая рубашка, холщовые брюки, свечной огарок лица с потухшей гарью глаз. Подошла к нему. Подняла валявшийся у ног измазанный в саже бушлат, накрыла Марка, испугавшись оплывшего, проржавевшего щетиной лица. От пепла в камине еще веяло жаром, и ветер хныкал в трубе.

— Теперь здесь другой смотритель, Ева. Пиши меня, и пойдем.

Ева прошла к столу. Разложила мольберт, достала акварельные краски и, смочив кисточку остатками вина, сделала пару волнительных, размашистых мазков.

Она закончила портрет на рассвете, когда солнце персиковой кляской расплывалось над берегом Балтийского моря.

5

Марк, осипший и продрогший, потихоньку просыпался, вываливался в реальность. Сквозь пустую комнату сна в его голове кто-то колотил по мощной дубовой двери. Из кухни доносилось шуршание. Весь скрюченный, изломанный, мятый он еле-еле поднялся, кутаясь в бушлат с косматым воротником, страдая от судороги в конечностях, доковылял до передней, и, споткнувшись о кучу обуви, открыл дверь.

На пороге стоял двадцатилетний парень в плащ-палатке землистого цвета, накинутой на блекло-зеленую форму МЧС. Он шмыгал красным мясистым носом, а нижняя губа его — тучная и посиневшая — обиженно выпирала. Спасатель кричал, но слова разлетались по ветру:

— Марк Евгеньевич! Команда сверху — закругляться! Больше не располагаем временем на поиски. И отец ваш сказал, хватит. Месяц — это край! Простите! Таков приказ! Теперь только добровольцы. Есть сайты.

Марк Евгеньевич посмотрел на молодого спасателя. Улыбнулся и глупым приятельским жестом похлопал его по спине.

— Я вас понял! — прокричал он. — Вы заходите! Чаю попьем!

— Марк Евгеньевич, не могу. Служба. Простите.

Из-за двери высунулась чалая лисья морда.

— Ух ты! Вы уже и лису успели приручить, — молодой человек присел на корточки и поманил животное к себе.

— Это лис.

— Как зовут?

— Вулф.

— Вулф! Вулф! — с гавкающей детской задорностью позвал парень.

Вулф попятился и скрылся за дверью.

— Боится. Смешной, — спасатель снова расплылся в улыбке, но точно о чем-то вспомнив, тут же выпрямил губы. — Мне надо идти. Вы простите. Мне очень жаль.

Он протянул руку. Марк Евгеньевич почувствовал влажный холод ладони, крепкое рукопожатие. Тот еще раз бросил, точно отмахиваясь: «Мне очень жаль», — и скрылся за дверью.

Смотритель захлопнул дверь и вернулся в гостиную. Он присел у камина. Колодцем выложил сухие дрова, облил рядом стоящим керосином. Огонь отсветами заиграл по стенам комнаты. С хрустом в коленях он поднялся и вошел в кухню. Залил в жестяной чайник родниковой воды из алюминиевой канистры, поставил на электрическую плиту. Заглянул в пачку с чаем.

— На один раз хватит, — проговорил он вслух. — А там привезут. Или сам съезжу.

Вулф уже свернулся калачиком рядом и блаженно спал, поскуливая и дергая задними лапами. Видимо, гнался за кем-то. Марк прошел мимо лиса к почетной стене, где с фотопортретов наблюдали за его передвижениями бывшие смотрители маяка Стирсудден: вылитый шестнадцатый президент США Линкольн — Отто Вильгельм фон Люде, с жирными усами-гусеницей Эмиль Виркки и выписанный акварельными красками, гладко выбритый, тоскующий синей глубиной глаз, внук его — Эмиль Виркки Второй: он вполоборота стоял у окна, за которым виднелся ярко-алый свет, и смотрел глазами узнавшего. Марк еще какое-то время прождал у портрета и вернулся на кухню.

Смотритель высыпал остатки листьев и травы в глиняный приплюснутый чайник для заваривания. Плеснул в него холодной воды. Залил кипятком.

Вулф заскулил во сне. Смотритель оставил чайник на столе, встал напротив окна. Сквозь тусклое стекло он различил слабый свет утра. Деревья вдалеке трепал ветер. Сизые ватно-равнинные тучи говорили о дожде, но он все не начинался.

На грязном подоконнике лежала покаянная временем и человеческими руками книга. Из бумажной расщелины тонких волнистых листов выглядывала серебряная цепочка. Смотритель раскрыл книгу на закладке. Повесив серебряный сапфировый крестик на шею, он прочитал: «Ибо знаем, что когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный. Оттого мы и воздыхаем, желая облечься в небесное наше жилище; только бы нам и одетыми не оказаться нагими. Ибо мы, находясь в этой хижине, воздыхаем под бременем, потому что не хотим совлечься, но облечься, чтобы смертное поглощено было жизнью».

Смотритель обреченно кивнул. Вернулся в гостиную. Подкинул поленьев в пылающий багряно-оранжевый жар. Погладил Вулфа. Лег рядом, обхватив ноги дрожащими руками. Прошептал: «А что теперь делать мне, Ив?»